

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ. ГИПОТЕЗАХ. ЛЕГЕНДАХ.

Пять версий ареста

О двух арестах певца Вадима Козина существует множество легенд. Первая. В годы войны знаменитого исполнителя пригласили в гости генералы сформированного на Востоке польского корпуса. Певец с энтузиазмом принял приглашение коллег советского военного командования. И этим якобы подписал себе приговор. По доносу «благжелателя» из собственного ансамбля его арестовывают за «измену Родине». Вторая версия. Мать и сестры Козина жили в блокадном Ленинграде. Популярный артист, имевший хорошие знакомства в государственных и партийных кругах, хлопотал о вывозе близких на «большую землю». Ему долго отказывали, и когда первый секретарь МК Шербаков выделил для семьи певца специальный самолет, было уже поздно — мать и сестры умерли от голода. Вадим Алексеевич сгоряча пожаловался кому-то на неразворотливость властей. Этого было достаточно, чтобы «нейтрализовать» недовольного. Третья версия — вроде бы Ва-

известно одно: сам Козин не любил вспоминать Тегеран. А странно — ведь выступление перед хозяевами мира в гостиницу великого противостояния Гитлеру было его звездным часом.

Так вот, спустя месяц после этого инцидента певца вызывает к себе Лаврентий Берия. Он стал расспрашивать Козина о его исполнительском репертуаре, и в частности о том, почему он не поет песен о Сталине. Вадим Алексеевич ответил, что в его активе есть песня о Ленине и этого достаточно. Ведь он всего лишь лирический певец и серьезных патетических вещей исполнять не может. Берия ответ не понравился, и он снова переспросил, не хочет ли он подготовить что-либо о вожде народов. Козин снова ответил отказом. А через какое-то время его арестовали.

Наконец, пятая, и, я бы заметил, эксцентричная и обидная версия. Но вот тут-то почти нет недомолвок. Все взрослое население советской державы, и я в том числе, «знало», что Вадим Козин сослан в Магдан, потому что был без-

Он не жаловал ни Аллу, ни Майю

Судьба талантливого артиста всегда меня волновала. Но узнать о нем было трудно, источником служила народная молва, сплетни, воспоминания тех, кому посчастливилось слышать Козина на сцене в тридцатых-сороковых годах. В мае 1944 года имя певца исчезло с афиш, грампластинки не поступали в продажу, нежный голос больше не звучал в передачах Всесоюзного радио. Даже на черном музыкальном рынке с трудом можно было приобрести песни Козина на так называемых ребрах, суррогате подлинных записей. На имя опального артиста неведомо кем был наложен полный мораторий. Так продолжалось до самой горбачевской перестройки, когда в некоторых изданиях появились первые робкие статьи о творчестве и жизненной судьбе ушедшего в забвение народного любимца. Из них-то все и узнали, что певец до сих пор жив-здоров, но место его прописки по-прежнему Магдан. Это

ду — главу стола, который и руководил действием. Здесь же среди нас, мы об этом догадывались, пьянствовали и гзбэшники, они были приставлены к Козину пожизненно. А первый арест, как я слышал, это была провокация ГБ — бериевцы подслунали ему мальчонку, с которым певца и застукали.

Насчет деликатной темы могу сказать: вроде бы все считали, что он «голубой». С лицами мужского пола он общался, на мой взгляд, чаще и охотнее. Был с ними ласков, говорлив. Меня звал Игорчиком. В 1973 году в Магдан приезжал Махмуд Эсамбаев, которого весь истеблишмент города звал к себе в гости. Но он остановился у Козина, в его крохотном закутке.

Опивки в адмиральской бутылки

А вот свидетельство Клары Новиковой, у которой два года назад я брал интервью для «Мира новостей» и, между прочим, спросил, не знала ли

не покинул холодный далекий край. Судьба дала Козину долгий срок на этой земле — он умер 19 декабря 1994 года на 92-м году жизни, и по-хорошему амбициозный артист, король сцены, мог бы еще добрый десяток лет наслаждаться славой, почетом, жизненными благами. Козин не сходил со сцены почти до глубокой старости, конечно, голос был не тот, но обаяние, артистизм, высочайшее профессиональное мастерство собирали полные магаданские залы.

Сегодня трудно объяснить затворничество Козина в местах, отстоявших от Москвы на целых восемь часовых поясов. Не хотел унывать в просьбах и поклонах, что называется, встал в позу, не желая вспоминать о счастливых годах своей творческой карьеры, боялся переменить климат, к которому привык за полвека колымского бытия, не хотел бросать людей, которые стали для него родными? Когда его звали в какую-нибудь столицу, в Киев там или Ленинград, он отвечал: «Приезжайте ко мне сами». И

ГОЛУБАЯ ЛЕГЕНДА СОВЕТСКОЙ ЭСТРАДЫ

Вадим Козин был самым знаменитым исполнителем на довоенной эстраде, опередив Утесова, Шульженко, Лещенко. Но НКВД не щадило никого. За что? Может, за то, что был гордым и знал себе цену?

Известие еще более распалоло интерес поклонников таланта Козина к его необычной трагической биографии. Автором одной из публикаций был Игорь Дудинский, с которым мы вместе тогда работали в «Огоньке». Но по тону статьи я чувствовал какую-то недоговоренность, казалось, что автор что-то скрывает. С высоты нынешней свободы прессы его можно было понять — тогда ведь гласность только начиналась. И вот на днях я позвонил давнему коллеге и попросил его дополнить напечатанное им 13 лет назад.

Ну, во-первых, как я оказался в Магдане? Просто и категорично: возможно, как и Козин — где-то чего-то брикнул про партию и правительство, донесли, вот и загремел в ссылку на край света. Было это в 72-74-х годах. А раз оказался в Магдане, значит, окажешься и у Козина. Вот и, познакомившись с ним, я каждую неделю стал бывать у него дома, в небольшой комнатенке, вмещавшей человека десять-двенадцать. Козин был уже на свободе, эдаким вольнопопселенцем, всех заметных магданцев он, наверное, уже знал, и каждый культуртрегер из столичных искренне радовал его. Гости приносили выпивку, закуски и, что тут сказать — шла обычная пьянка: с воспоминаниями, песнями Вадима Алексеевича за стареньким пианино, лобызаниями, творческими прожектами, перемыванием косточек тогдешней эстрады. Козин, к примеру, не любил Аллу Пугачеву и постоянно повторял, что у нее «хроническое несмысленное связок».

Возмущался Майей Плисецкой — как это можно танцевать Гоголя. Зато привязался к Андрею Дементьеву, любил его стихи, которые перекалывал на музыку и с удовольствием исполнял. Андрей, уже бывший тогда главным редактором журнала «Юность», о козинской любви к нему не знал, и когда я при встрече рассказал ему об этом, он смутился и, как мне показалось, малость тухнул. Еще бы, имя певца тогда было в запрете.

До старческого возраста артист был в форме и регулярно давал концерты или ездил с бригадами на «чех». Жизнь надо было на что-то. Каждый вечер мы выбирали так называемую Матильду — главу стола, который и руководил действием. Здесь же среди нас, мы об этом догадывались, пьянствовали и гзбэшники, они были приставлены к Козину пожизненно. А первый арест, как я слышал, это была провокация ГБ — бериевцы подслунали ему мальчонку, с которым певца и застукали.

Насчет деликатной темы могу сказать: вроде бы все считали, что он «голубой». С лицами мужского пола он общался, на мой взгляд, чаще и охотнее. Был с ними ласков, говорлив. Меня звал Игорчиком. В 1973 году в Магдан приезжал Махмуд Эсамбаев, которого весь истеблишмент города звал к себе в гости. Но он остановился у Козина, в его крохотном закутке.

А вот свидетельство Клары Новиковой, у которой два года назад я брал интервью для «Мира новостей» и, между прочим, спросил, не знала ли

не покинул холодный далекий край. Судьба дала Козину долгий срок на этой земле — он умер 19 декабря 1994 года на 92-м году жизни, и по-хорошему амбициозный артист, король сцены, мог бы еще добрый десяток лет наслаждаться славой, почетом, жизненными благами. Козин не сходил со сцены почти до глубокой старости, конечно, голос был не тот, но обаяние, артистизм, высочайшее профессиональное мастерство собирали полные магаданские залы.

Сегодня трудно объяснить затворничество Козина в местах, отстоявших от Москвы на целых восемь часовых поясов. Не хотел унывать в просьбах и поклонах, что называется, встал в позу, не желая вспоминать о счастливых годах своей творческой карьеры, боялся переменить климат, к которому привык за полвека колымского бытия, не хотел бросать людей, которые стали для него родными? Когда его звали в какую-нибудь столицу, в Киев там или Ленинград, он отвечал: «Приезжайте ко мне сами». И

она Козина. К моему изумлению, знала. Клара Борисовна успела познакомиться с великим эстрадником и подарила мне не вошедшее в интервью воспоминание:

— Я была у Козина незадолго до его смерти. Приехав на гастроль в Магдан, напросилась в гости к главной достопримечательности Колымского края. За мной же увязались и журналисты, певец пребывал уже в преклонном возрасте и мало кого принимал. Помню двухкомнатную квартиру, собственно, музей Козина, а он — его живой экспонат. На стене висели портреты художников, писавших легенду нашей эстрады, фотографии хозяина, а также фотографии любимых им кошек. Повсюду красовались всякие любопытные безделушки. У стены стоял большой рояль, подаренный Иосифом Кобзоном.

Не знаю, каким Козин был раньше, но предомой предстал капризный обиженный старик. Видно было, что он избалован славой, но бросалось в глаза и другое: он считал, что ему многого не хватает. Первое, о чем спросил меня прямо с порога, принесла ли я чего-нибудь выпить. Я сказала, что принесла шампанское. «Фу, гадость», — бросил Козин. — Я пью только водку». Меня же предупредили, чтобы я никоим образом не пила у него так называемого адмиральского зелья, если он будет потчевать. Так и вышло, на подоконнике стояла огромная зеленая бутылка, в которую он якобы после гостей сливал все ликеро-водочные остатки из стаканов. Образовавшейся гребучей смесью Козин угощал следующих визитеров.

Обут он был в валенки, на плечах — когда-то модный твидовый пиджак, в который почему-то было воткнуто множество булавок. «Клавдии Новиковой имеешь отношение?», — спросил он меня. «Нет, — говорю, — не имею». «А жаль, звезда своего времени, опереточная певица». Меня немного задело, что Новикову давних-давних лет он помнил, а обо мне ничего не слышал. По его просьбе я исполнила монолог. Когда я попросила в ответ что-нибудь спеть, долго капризничал, отнекивался. «Не буду, не буду, я сказал, не буду», — гримасничал, топал ногами, ругался. Потом все-таки спел. О своей жизни он так ничего и не рассказал.

Генералиссимус русской эстрады

В судьбе Козина было много загадок. Одна из них: почему все-таки, получив свободу после первого срока в 50-х годах и вновь обретя ее после второй отсидки в 60-х, коренной петербуржец

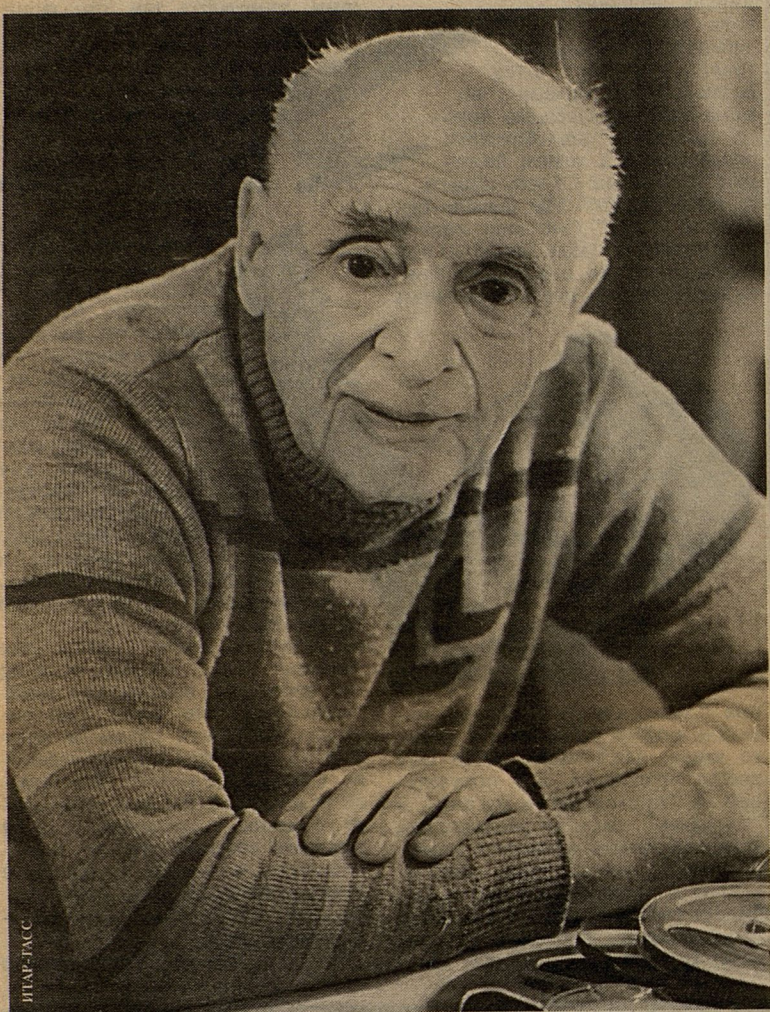
многие приезжали. Если начать перечислять имена, то у Козина перебивал весь полусвет советской российской эстрады и искусства. Неслыханное поклонение сцене, песне, искусству. Нынче звезды заманивают на свои презентации и концерты фурышками и другими звездами, а тут мчались на край земли! Но мчались. И Козин не чувствовал одиночества, забытости. А касательно того, что ему не дали «народного», то Вадим Алексеевич довольно остроумно замечал: «Я не рвусь в народные, теперь это все равно, что солдату в пятьдесят лет присваивать звание старшины. А вот если бы меня выбрали почетным гражданином Магдана, тогда другое дело». И еще Козин завещал, чтобы после смерти его сожгли и прах развеяли над Магданом.

О славе и популярности Вадима Козина в годы его творческого расцвета, когда он пел знаменитые романсы на слова и великих поэтов, и никому не известных авторов, и на свои собственные слова, говорят, скажем, такие суждения специалистов: по раскупаемости пластинок и заполняемости залов Козин был самым рейтинговым исполнителем, опередив Утесова, Шульженко, и Лещенко. Одним словом, родная советская власть, роднее наше КГБ ничем не дорожило, никого не щадило. И за что? За то, что человек родился именно таким, каким он родился, за то, что он сам выбирал, с кем и КАК ему общаться, за то, что был гордым и знал себе цену. И впрямь, Россия всегда была царством кривых зеркал, где самым мудрым и добрым был объявлен палач и где родиться талантливым, непохожим на других, все равно что родиться уродом или клоуном.

Козин дожил до тех, к сожалению, времен, когда уже вовсю вставала крикливо-безголосая эстрада и когда прямо на сцене могли убить только за очередность выхода к зрителю.

Да, вроде бы невероятная мажорная планета — любимец миллионов, кумир не одного поколения ценителей музыки. Да и другое — Бог дал долгий век, значит, любил. Но с другой стороны — забытый, оклеветанный, «опущенный» властью и молвой закончил свои дни на окраине великой державы. Точное проклятое и сосланный на вечное изгнание. И все же да, нередко нашими судьбами вершат палачи, но искусство, слово, музыка — сильнее. Потому что тираны умирают (говорят, что следователи, приставство допрашивавший тшесудного интеллигента на Лубянке, страшно пил и в конце концов сошел с ума), а талант вечен. Нет ничего сильнее народной памяти, легенд. Вот и Вадим Козин остался с нами свидетелем и певцом своего жестокого XX века. Он остался генералиссимусом русской эстрады, трагическим тенором помпезно-сурового времени. И если хотите, голубой легендой.

Феликс Медведев

нальная — любовный треугольник, если бы не таким зловещим был третий персонаж — сам Лаврентий Берия. Якобы и певец, и министр МГБ были неравнодушны к знаменитой летчице-красавице Марине Расковой, которая будто бы предпочла любимца публики. Четвертая версия самая, пожалуй, экзотическая. И необыкновенно интересная. Она связана с политикой, с именами участников исторической Тегеранской конференции конца 1943 года — Сталина, Рузвельта и Черчилля. В дни работы Большой тройки английский премьер отмечал свой день рождения. Попригласить яростного борца с фашизмом в Тегеран прилетели Марлен Дитрих, Морис Шевалье и Иза Кремер. Вдруг неожиданно Черчилль обратился к Сталину с просьбой, чтобы от Советского Союза на торжественном вечере выступил... Вадим Козин. Сталин поразился столь своеобразному выбору лорда. Ведь Козин слыл всего лишь исполнителем легких песенок и романсов. Иосиф Виссарионович понял бы тонкий вкус аристократа, если бы тот «заказал», скажем, Галину Уланову или Сергея Лемешева, блиставших тогда на советской сцене. Но не уважить Черчилля он не мог. На специально отправленном самолете из Москвы популярный артист был доставлен в Лондон, и, как только закончился его номер, немедленно препровожден обратно. И вот тут возникает загадка. То ли в силу необыкновенного напряжения, связанного с неожиданным и очень ответственным вызовом, тяжелого перелета и нервного выступления, то ли еще по каким-то причинам, но с певцом случилось что-то вроде нервного приступа — он повел себя перед Сталиным или исполнителями прихоти премьера как-то не так. Есть свидетельства о том, что в Москве перед отлетом кто-то насовещал Козину пасть в ноги Черчиллю и попросить о политическом убежище в Англии. Дескать, на Западе ты сделаешь великую карьеру.

растом. Якобы в гостинице «Метрополь» его застукали с каким-то 14-летним якутенком. Приговор оказался суровым: после годичной камеры на Лубянке — Колыма, Магдан, куда он и прибыл весной 1945 года. Особым совещанием НКВД певец был осужден на восемь лет лишения свободы.

(Второй арест в 60-м году снова связывают с запрещенным в те годы законом половым пристрастием мужчины к мужчине).

Статьи, я слышал от Михаила Шулфутинского потрясающий эпизод из биографии Козина. Когда он находился еще в первом заключении, в магданском театре отмечали день 7 ноября. В правительственной ложе красовался сам начальник «Дальстроя» генерал Никишов, не стеснявшийся удовлетворять себя коньяком прямо на людях. Козину приказали петь в концерте, и постановщик программы, тоже заключенный, мейерхольдовец Варпаховский, именно с него решил начать торжество. Раскрылся занавес, и на сцене среди цветов у рояля стоял тогда еще молодой и стройный певец. Зал зааплодировал, сначала робко, потом кто-то, возможно, спыну крикнул «Козину ура!», и весь зал в каком-то едином порыве, забыв обо всем, заревел «Ура!», «Слава!». И вдруг не ожидавший ничего подобного разъяренный генерал заорал благим матом: «Вы кому кричите «ура!»? Зал мгновенно замолчал и в тишине раздалось: «Спрашиваю, кому вы орете «Слава!»?! Педерасту?! Только правительству можно кричать «ура». Убрав дураков из зала! И ты вон со сцены». Поблудневший артист вмиг ретировался за кулисы. После этого эпизода, который еще раз показал, насколько любим был находящийся в заключении артист и, возможно, по какой статье на самом деле он сидел, Вадим Алексеевич еле спасся от звериного гнева начальства.